

Посвящается Лэйн.

*Спасибо, что позволила мне так долго наслаждаться
сиянием твоей радуги.*

ПРОЛОГ

Авеню Желаний безжизненна: на улицах никого, витрины магазинов закрыты ставнями и жалюзи. На стенах расклеены чёрно-белые фотографии Джеймса, Урсулы и Малли вместе с предупреждением, что злодеи скрылись и никто не знает об их местонахождении, и требованием немедленно сообщать, если кто-то их видел.

«Используйте хэштег #бойсязлодеев, чтобы узнать больше и поделиться информацией, звоните или пишите на номер 33–22–77».

По тротуару бегут грязные ручейки, оставшиеся после недавней неожиданной грозы. Хотя в Шраме любые грозы неожиданные. Как сказали в новостях, согласно архивам, за всю историю Шрама здесь не было ничего сильнее лёгкого дождя. Хорошая погода — это всё, что осталось от магии после её Великой Смер-

ти тринадцать лет назад. Иронично, что после возвращения магии погода тут же стала серой и мрачной. Я воюю со своим бумажным пакетом с продуктами; багет, который я купила тётё Джи, немного загораживает моё лицо, когда я прохожу мимо семейной пары, несущей пять огромных пластиковых упаковок туалетной бумаги. Они настороженно косятся на меня, но непохоже, что узнают.

— Верность Наследникам, — говорю я.

— Верность на всю жизнь, — отвечают они, возясь с горами пластика.

Я наконец выбралась из квартиры после двух дней, проведённых в домашней ловушке. Журналисты поджидали меня на крыльце, стараясь хоть мельком увидеть девушку Джеймса Бартоломью и надеясь услышать мой комментарий, так как самого Джеймса они найти не могли. Но сегодня я получила передышку. Калев Ротко, он же Безумный Шляпник, был схвачен в лесу за городом. Его арестовали за терроризм и заговор с целью свержения правительства и упрятали в тюрьму. Конечно, этого было недостаточно, чтобы все забыли о битве у Чудо-озера и возвращении магии, но, безусловно, хватало, чтобы увести журналистов с моего крыльца в Центр, где проводится пресс-конференция.

Прошло два дня с тех пор, как всё изменилось, — с тех пор, как мою жизнь внезапно отобрали и перевернули с ног на голову. С тех пор, как я отрубила топориком руку своего парня, чтобы его спасти. С тех пор, как моя лучшая подруга Урсула исчезла вместе с Джеймсом и жестокой Малли Сент, а неправильная магия показала своё лицо. Я могла пойти с ними, но выбрала Наследников, пустынные улицы Шрама и попытки помочь им отсюда. Я не уверена, что именно могу сделать, но я точно найду способ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Парк вокруг Чудо-озера изменился. Повсюду гуляют Наследники из магических семей с метками на запястьях, в атласных пиджаках, кожаных куртках, расшитых пайетками с золотыми и серебряными бусинами, на высоких каблуках и с яркими волосами. Они расстелили пледы и расставили шезлонги на краю парка, там, где меньше людей, словно пришли посмотреть на воскресный парад, игру, спектакль или весёлое представление. Они хрустят закусками и переговариваются, а я петляю между ними, пока, наконец, не нахожу место, где могу расположиться так, чтобы никому не мешать и не привлекать внимания. Небо тёмное и тяжёлое, над головой нависают тучи, быстро меняя свои очертания.

Ветер сдувает мои волосы с лица, я натягиваю капюшон глубже и осматриваюсь, чтобы убедиться, что никто в толпе меня не узнал.

Со сцены доносится шум, и все поднимают головы. На трёх огромных экранах ярко, как фейерверк, вспыхивает надпись «#БОЙ-СЯЗЛОДЕЕВ» в сопровождении пронзительных, привлекающих внимание звуков. Затем на экране возникает видео с Малли, когда ближе к концу битвы она отчаянно пыталась сбежать, превратившись в дракона, и носилась над Шрамом, бросая огненные шары в полицейских, пока те старались сбить её из пистолетов.

Собравшаяся толпа затихает. У кого-то в уголках глаз выступают слезинки, кто-то ошеломлённо сидит с разинутым ртом.

Когда-то в Шраме была магия. Но прошло тринадцать лет с тех пор, как она умерла, и тогда магия была скорее про фей, исполняющих желания, чем про драконов, плюющих огнём. Вида Малли, которая пронеслась по небу, размахивая мощным хвостом, оказалось достаточно, чтобы в толпе воцарилась тишина. Никто никогда подобного не видел, и да, это было настоящее чудо.

Зрители жмутся друг к другу, глядя, как вспыхивают здания и разбегаются полицейские, пытаясь найти укрытие.

Наследники вокруг меня испуганы до ужаса, и, наверное, так и должно быть.

Затем над городом вырастает Урсула, раскинув гигантские скользкие щупальца. Жёлтые глаза освещают улицы подобно прожекторам, пока она крушит всё, до чего может дотянуться. Урс не причиняет большого вреда, но не думаю, что кто-то это замечает. Она действительно подходит на чудовище, на настоящего монстра.

Затем на экране появляется вход в «Страну чудес» — бар, где я провела так много времени. Я знаю, что случится дальше, и из моих лёгких выходит весь воздух. Я стискиваю кулаки и зубы и жду.

На улицу вырывается грохот клубной музыки. Мимо проходят компании людей в костюмах, посвящённых Смерти Магии, отдавая дань уважения своим семьям и всему, что они потеряли, как мы делаем каждый год.

— Мы в «Стране чудес»! Мы на самом деле в Шраме! — пищит девчонка за камерой и продолжает: — Зайди в кадр! Нам нужны доказательства.

На экране появляется девушка, поправляя волосы, и в этот момент у неё за спиной из «Страны чудес» выходит рыжеволосый парень в чёрно-белых клетчатых туфлях. Он суёт руку в карман и останавливается, словно кто-то поставил видео на паузу. Вот только проблема не в видео.

Девушка, снимающая подругу, восклицает:
— Что за чертовщина?

А затем она понимает, что неподвижен не только парень, вышедший из «Страны чудес» и запустивший руку в карман за телефоном или чем-то ещё. Все, кто был внутри «Страны чудес», тоже застыли. Девушка с камерой увеличивает масштаб, обводя зал и барную стойку. Все на переполненном танцполе стоят, не шевелясь и даже не дыша. Музыка играет, но люди словно окаменели.

Я напрягаюсь, но потом заставляю себя успокоиться.

— Трейси, — дрожащим голосом говорит девушка с камерой. — Трейси, смотри!

Её подруга, с пышными чёрными волосами и избытком блеска на губах, вскрикивает и восклицает: «Матерь божья!» — как раз в тот момент, когда из двери выбегает Джеймс, держа на руках девушку, одетую во всё чёрное, которая цепляется за него так, словно он — единственное, что удерживает её от смерти.

Так и есть.

И эта девушка — я.

Джеймс горящими глазами оглядывает улицу, а затем в два прыжка перелетает машину, оставляя на ней вмятину, пробегает между двумя высотками и скрывается из виду. Как толь-

ко мы исчезаем из вида, все в «Стране чудес» одновременно падают на пол. И парень возле выхода тоже. Вышибала врзается в стену. Девушка с телефоном кричит долго и пронзительно.

На экране вспыхивает надпись:

«#бойсязлодеев. Делитесь вашей информацией по номеру 33–22–77».

Когда ролик заканчивается, я начинаю глубоко дышать, пытаюсь сдержать захлестнувшую меня волну эмоций. Я так скучаю по Джеймсу, несущемуся меня спасать, с дикими глазами, вспотевшему и переполненному силой. Я догадывалась, что полиция Королевского города следит за мной, поэтому не стала проверять места, куда он, возможно, мог пойти. Тем более что я уверена, что его там нет. Я это чувствую. Джеймс Бартоломью не в Шраме, но при этом он никогда бы не бросил это место. Как и то, и другое может быть правдой одновременно?

Прежде чем экран гаснет, на сцену выбегает парень с копной светлых волос, стучит по микрофону и убегает влево. Толпа шумит, а затем разражается аплодисментами, когда на сцене появляются двое полицейских в форме и мэр Тритон, высокий и хорошо сложенный, с небольшим брюшком и коротко подстриженной белой бородой. Тритон похож на доброго де-

душку. Раньше он не приходил в Шрам. Лично я никогда особо не интересовалась мэром. Меня всегда увлекала борьба с преступностью, потому я и подала заявление на стажировку в полицию Королевского города. Политики всегда казались мне скучными и беспомощными, в то время как сотрудники полиции, такие как шеф Ито, обладали реальной силой приносить перемены, спасать жизни и отправлять преступников за решётку. Я всегда считала именно так, и даже не догадывалась, что шеф Ито тоже была политиком — таким же жалким, таким же лживым, как и все остальные. Даже хуже, потому что шеф Ито — Наследница. Она носит метку и происходит из магической семьи. Она должна помнить, откуда она родом. Шеф — одна из нас.

Теперь я наблюдаю за мэром Тритоном с новым интересом, и, по-видимому, не я одна. Все Наследники вокруг меня сходят с ума, словно он рок-звезда.

Мэр кладёт руки на кафедру и торжественно оглядывает площадь, ожидая подходящего момента, чтобы начать речь.

— Граждане Шрама, — говорит он, — уважаемые члены сообщества Наследников, я стою перед вами, потому что в Королевском городе происходят беспрецедентные события. Мы

всегда знали, что занимаем особое место на этой планете — над одним из семи священных магических вихрей, которые следует охранять и уважать. Мы всегда относились к этой задаче ответственно и с почтением. Даже после Великой Смерти мы стремились сохранить нашу историю, и многие надеялись на возвращение магии.

Толпа одобрительно гудит, а женщина рядом со мной кричит и поднимает над головой плакат с надписью «Сторонники магии против злодеев», написанной краской неровными малиновыми буквами.

— Хотя многие из нас надеялись, что Шрам вернёт себе былое величие, вновь станет волшебной землёй, которую мы когда-то знали и любили, мы никогда не предполагали, что возвращение магии принесёт с собой такие мрачные новости. Посмотрите наверх, — мэр Тритон театрально вскидывает руки и качает головой. — Само небо обернулось против нас, — он делает паузу. — Магия действительно вернулась. Но не как та яркая и полная любви сила добра, какой она когда-то была. Она вернулась как зло.

Позади него на экране появляются огромные карикатуры: Джеймс, покрытый татуировками, с новым блестящим крюком вместо

руки, Малли с острыми, устрашающими рогами и Урсула с извивающимся, скользкими и маслянистыми щупальцами.

Они угрожающе ухмыляются, из их ртов идёт пена. Они совсем не похожи на людей, которых я знаю и люблю. Легко представить, что это жестокие злодеи, а не обычные дети, которые пострадали от последствий чужого плана. Но они просто дети.

Наследники тихо переговариваются, широко раскрыв глаза. Они цепляются друг за друга и качают головами.

— С момента битвы у Чудо-озера жизнь в Шраме, какой мы её знали, изменилась, и она должна измениться, — продолжает мэр Тритон, ударив по кафедре, чтобы подчеркнуть свои слова. — Даже если это было бы единичное событие и злодеи ушли бы навсегда, мы бы всё равно их выследили и привлекли к ответственности, чтобы больше не бояться худшего. Но мы знаем, что это не конец. Мы опасаемся, что злодеи только начали свой насильственный произвол и, поскольку у них есть сила, которой нам нечего противопоставить, они продолжат её использовать, чтобы нести хаос Шраму и его гражданам. Злодеи трусливы и поэтому прячутся, но всё же они непредсказуемы и чрезвычайно опасны.

Мэр Тритон вздыхает, делает паузу и собирается с духом.

— С тяжёлым сердцем я сообщаю вам трагическую новость о том, что за последние три дня бесследно исчезли двое драгоценных детей-Наследников Шрама.

Новая волна тревоги пробегает по толпе. Раздаются несколько вскриков.

Мэр Тритон кивает.

— С помощью полиции Королевского города мы смогли установить, что они были захвачены злодеями. Злодеями, которые, как мы теперь знаем, хотят нам навредить. У нас есть несколько заявлений от разных свидетелей, из которых ясно, что Джеймс Бартоломью теперь носит крюк вместо руки, и мы надеемся на вас в вопросе получения дополнительной информации. Любой вклад будет полезен. Нам нужна ваша помощь, чтобы схватить злодеев и взять под контроль.

— Убить их! — кричит кто-то.

Раздаются одобрительные возгласы, и толпа становится шумной и разгорячённой. Повсюду щёлкают камеры. Мэр успокаивает всех кивками.

— Я хочу заверить вас, что мы делаем всё возможное. Вместе с нашим несравненным шефом полиции, которая, откровенно говоря,

лучшая в стране, а может быть, и в мире, мы сделаем всё возможное, чтобы выследить злодеев, и я не сомневаюсь, что их удастся привлечь к ответственности.

Толпа ликует.

Группа женщин, одетых в яркие ткани, украшенные бисером, поднимает плакат с надписью «Натуралисты за мир».

— Этим вечером я представлю ряд чрезвычайных мер, которые помогут нам пережить это время, и попрошу о полном сотрудничестве. Я надеюсь, что вы понимаете всю серьезность того, что ждёт впереди, — мэр делает паузу, ожидая внимания всех присутствующих. — До дальнейшего распоряжения в Шраме будет действовать комендантский час с девяти вечера. Я призываю всех граждан Шрама ходить на работу и выполнять свои обязанности, а затем сразу возвращаться домой. Не выпускайте детей на улицу. Не задерживайтесь за пределами домов. Не выходите наружу без необходимости после наступления темноты.

Раздаётся несколько шепотков, но большинство людей молчат. Я понимаю, что мэр пытается дать всем ощущение безопасности, но также я знаю, что эти меры ничем не помогут. Беатрикс Линдл исчезла два дня назад прямо из своего дома. Я это знаю, потому что Синди,

которая входит в группу натуралистов Джии, — её тётя. Беатрикс, страдающая детским церебральным параличом, чистила зубы, когда её отец услышал грохот. Однажды девочка упала, поэтому он подумал, что это случилось снова, и бросился в ванную, но нашёл только зубную щётку в раковине с включённой водой. Нигде не было ни следа Беатрикс.

Пуф. Исчезла.

Так начали называть детей, которые пропадают.

Исчезнувшие.

Но да. Что бы ни случилось, прячьтесь в своих домах. Это обезопасит вас и ваших детей.

Мэр продолжает:

— Мы также создадим специальный отряд, который назовём Дозором. Состоящий из Наследников и полицейских Королевского города, Дозор будет обеспечивать дополнительную безопасность, патрулировать улицы и собирать информацию о злодеях. Другими словами, он будет работать по трём направлениям: во-первых, защищать, во-вторых, привлекать злодеев к ответственности и, в-третьих, собирать информацию о незаконной магии и бороться с ней в соответствии с новыми чрезвычайными законами.

Раздались несколько протестующих криков, но совсем немного.

— Магия всегда была источником гордости для Королевского города, особенно для Шрама, но это не та магия, которую мы знаем и любим. Я понимаю, что будет нелегко, что это потребует от вас слишком много усилий перед лицом холода, страха и неизвестности, но вы должны быть готовы сообщить Дозору о своём соседе во благо Шрама. Если вы увидите, что где-то практикуется магия, мы просим вас сообщить об этом в Дозор, отправив сообщение на номер три-три-два-два-семь-семь. Это ваш священный долг и единственный способ сохранить Наследников.

Толпа обезумела. Все начали подпрыгивать.

Я не могла поверить в то, что видела. Они купились.

Я пока не понимаю всех тонкостей ситуации, но знаю, что мои друзья — жертвы, а не злодеи, и никакие уловки не убедят меня в обратном. Я понимаю, что люди напуганы, и да, тот факт, что дети исчезают, безусловно, тревожит, но очень странно, что в речи ни разу не упомянули Кайла Аттенборо. Он похитил моих друзей, экспериментировал на них и нашёл способ принести магию в Шрам. Он считал детей-Наследников расходным материалом и использовал, чтобы пополнить магию, которую можно продать. Они это знают. Кайла арестовали в ночь битвы.

Так где же он в этой речи? Ни единого упоминания о Кайле или его сыне Лукасе. И ни слова о лаборатории, где людей держали в клетках. Это какой-то абсурд. Судя по всему, у Кайла Аттенборо хватает денег, чтобы купить всех, кого он захочет. Он отделался извинениями, сказав, что ничего не знал и всё вышло из-под его контроля. Он пообещал, что лично всё исправит, и теперь его полностью вычеркнули из истории. Мои друзья, которых он сделал жертвами, стали козлами отпущения, а Кайл Аттенборо сидит на золотом троне где-то среди Элит.

Воздух дрожит от беспокойства, а я обхватываю себя руками и оглядываюсь. Может быть, мне всё же стоило уйти с друзьями? И что будет, когда их найдут? Я представляю, как их вешают на этой сцене, а люди вокруг глумятся. Мы недалеко ушли от тех дней. Мы всё ещё звери, которые любят жестокие зрелища. Все забыли, что Джеймс, Малли и Урс — это Наследники. Они тоже часть Шрама.

На соседнем здании резко разворачиваются баннеры высотой с два этажа со «злодеями» в их самом мерзком виде с искажёнными угрожающими лицами.

— Я слышал, Джеймс Бартоломью теперь носит крюк вместо руки, — говорит мальчик с рваной чёлкой и кольцом в носу. — Он за-

ставляет людей ходить по доске и носит повязку на глазу.

— А я слышала, морское чудовище Урсула ворует у людей души и запирает их в какой-то тюрьме в океане. Она называется «Сад Несчастливых Жалких Душ» или что-то в этом роде. Ужасно. Просто кошмар, — говорит женщина с зелёными волосами рядом с ним.

— Где вы это слышали? — спрашиваю я, хватая мальчика за рукав.

— А? — глупо произносит он.

— Я спросила, откуда вы взяли эти слухи? Доска, души... всё это, — моё сердце колотится не потому, что я считаю их лжецами, а потому, что это похоже на правду, и если так, то кто-то знает, где они находятся.

— Эй, — говорит женщина, поправляя платье, которое ей слишком велико и спадает с плеч. — Я тебя знаю. Ты подружка капитана Крюка.

— Чёрт возьми, а ведь точно. Эй! — кричит мальчишка. — Здесь девушка Джеймса Бартоломью ко мне пристаёт!

Я прищуриваюсь, глядя на него, и жалею, что не могу сотворить какую-нибудь полезную магию, а затем отпускаю мальчика и бросаюсь глубже в толпу, ближе к выходу, и сильнее обхватываю себя за плечи. Это было глупо. Да,

мне нужно выяснить, где мои друзья, но ещё мне стоит залечь на дно, если я действительно собираюсь им помочь. Шеф Ито должна думать, что я надоедливая мелкая мошка, которая раз и навсегда вышла из игры.

«Думаешь, подойти к этому маленькому долгоносику было глупо? Что было глупо, так это не свернуть ему шею. Один резкий поворот, и всё. Это помогло бы тебе освежиться, как прыжок в холодную воду».

О, хорошо. Здорово. Отлично. Она вернулась. Голос, который звучал в моей голове с ночи битвы, — единственное, что осталось от магии, которую Лукас вколол мне. Она говорит как я, но... я жестокая. То есть по-настоящему жестокая. И она всё никак не заткнётся.

Как будто наказывая меня за такие мысли, в висках бьётся пульс, и я вспоминаю, как тяжело топорик опускался на запястье Джеймса. Голос прав насчёт того, что это было приятно, словно сыграть заключительный аккорд. И, возможно, теперь горячую плоть заменил холодный металл. Крюк вместо отрубленной руки — похоже на Джеймса. Звучит правдоподобно. Что ещё ему оставалось делать? Носить протез? Это не в его стиле.

Я осматриваюсь, пытаюсь найти глазами мальчиков Джеймса, отца Малефисенты, Дже-

ка Сента, или, может быть, даже Беллу. Но взволнованная толпа, наполненная запахами пота, старой одежды и ядовитыми призывами к насилию, слишком плотная, чтобы что-то разглядеть.

«Ты должна была присоединиться к злодеям, — говорит Она, и моя кожа покрывается мурашками. — Посмотри на этих неудачников. Почему ты предпочла их Джеймсу?» — хриплый голос растягивает слова.

Действительно, она всё никак не заткнётся.

Я протискиваюсь сквозь толпу, собираюсь домой, к Джии, когда передо мной возникает бородатый мужчина с бешеными глазами и табличкой в руках. «Отрубить им головы!» — написано там. Я усиленно моргаю, а когда смотрю снова, на табличке написано: «Что у них в головах?»

Меня бьёт нервная дрожь, и я ускоряю шаг.

Почему я не спросила Джеймса и Урсулу, куда они направляются?

В последний раз, когда я их видела, мы стояли на тёмной улице, Джеймс истекал кровью на тротуаре, а вокруг нас нетерпеливо расхаживала Малли. Друзья предлагали мне пойти с ними, но в тот момент я не могла себе этого представить. Я не задумывалась о том, куда именно они уходят. Я только понимала, что это

будет не близко и что мне придётся изменить привычный образ жизни. Я ещё примеряла на себя будущее детектива, роль одинокого вершителя правосудия, необходимого элемента сложного часового механизма Шрама. В те несколько секунд, что у меня были, я воображала, что если уйду с друзьями, то Шрам рухнет так глубоко в хаос, что никогда не сможет снова восстановиться.

Я считала себя настолько значимой.

И я думала о Джи, о том, как брошу её и стану беглой преступницей. Что бы с ней стало? Я должна была полностью отчаяться, чтобы оставить её вот так. Нужно было спросить, куда направляются друзья и когда вернутся. Нужно было договориться о месте и времени встречи. Я представить не могла, насколько невыносимо будет остаться одной, как всё начнёт рушиться без них.

Это больно.

Я понимаю, что будь у меня ещё несколько минут, этого хватило бы, чтобы всё тщательно обдумать. Мои друзья больны. Они стали такими, какие есть, потому что их отравили. Хотя я получила гораздо меньше искажённой магии, она ещё остаётся внутри и влияет на меня.

«Можешь сказать мне спасибо, — говорит Она, когда я выбираюсь из толпы и направля-

юсь к задней двери своего дома. — Теперь ты не так одинока».

Но мне не нужна Она. Мне нужен Джеймс. Мне нужна Урсула. И я хочу вернуть их такими, какими они были, пока их у меня не украли. Я должна сделать две вещи: найти своих друзей и отыскать лекарство. В противном случае это только вопрос времени, когда все они окажутся в петле.

Я не позволю такому случиться.

Позади меня беснуется толпа, люди толкаются, воют под звуки, доносящиеся со сцены, и я понимаю наверняка, с чего нужно начать, чтобы развязать этот узел.

С Королевской старшей школы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В понедельник утром, увидев возвышающуюся передо мной Королевскую старшую школу, я понимаю, что совсем не так сильна, как мне казалось. Мне хочется упасть и свернуться клубочком на зелёной, очень красивой лужайке, и это никуда не годится. Одно дело — пробраться на митинг, а потом незаметно улизнуть. Совсем другое — прийти сюда, в Королевскую старшую школу, где в одном здании находятся все, кто меня знает и ненавидит. Особенно сейчас, когда на каждой свободной поверхности висят плакаты с Джеймсом, Малли и Урс.

Сотни учеников плетутся к дверям, со скорбными лицами обнимая себя за плечи.

«С возвращением в Королевскую старшую школу! — переливается оптимистичными ра-

дужными цветами баннер над входом. — Пожалуйста, соблюдайте все правила!»

Мне стоит повернуть назад, прийти домой, лечь в постель и никогда больше с неё не вставать. Мне не хочется встречаться с людьми, отвечать на вопросы, чувствовать чужое осуждение. Джеймс и Урс ушли, и все в этой школе знают, что я была с ними в ночь битвы. Мы с друзьями даже не пытались спрятаться от чужих взглядов, и теперь всё внимание будет направлено на меня. Лучше попробую снова в другой день. Пока-пока, Королевская старшая школа.

«Ого, Мэри. Чего ты хочешь? Быть сопливой неудачницей или...»

Опять этот голос. Он комментирует всё, что я делаю.

Хотя, возможно, в этих словах есть смысл.

Чего я хочу?

— Джеймса, — шепчу я, интуитивно чувствуя, что это правда. Но вместе с правдой приходят вопросы, которые мучают меня уже неделю: выжил ли Джеймс после того, как я отрубила ему руку? Если да, то в безопасности ли он? Если да, то злится ли он? Если да, то сможет ли он простить меня? Если да, то захочет ли Джеймс когда-нибудь снова меня увидеть?

Если да, то сможет ли он поверить, что я до сих пор ему верна? Если да, примет ли он мои извинения?

Если да, то сможем ли мы снова быть вместе?

«Есть только один способ узнать».

Тогда ничего не поделаться.

«Шевели ногами, трусиха».

Я ожидала, что всё изменится. Я была готова к тому, что в Королевской старшей школе, которая была оплотом отчаяния и разрушений с ароматом карамельного фраппучино задолго до битвы у Чудо-озера, атмосфера станет ещё более неловкой и нервной, чем пять дней назад. Но я всё равно резко останавливаюсь, когда вижу, что здесь происходит.

Благодаря инициативе по восстановлению Шрама площадь внутри круговой подъездной дороги украшена тюльпанами и ярко-зелёной травой, вдоль неё высажены кусты пионов с бутонами роскошных пурпурных и розовых оттенков. В центре извергает воду из пасти фонтан в виде бледно-голубого морского дракона. Всё то же, что и раньше. Жалкая попытка скрыть проблемы и конфликты, царящие здесь. Но на подъездной дороге, обычно заполненной школьными автобусами и лимузинами, привозящими детей Элит, теперь выстроились

одинаковые массивные белые внедорожники с тонированными стёклами и без номеров. Люди в серых костюмах, среди которых нельзя различить Элит и Наследников, стоят по стойке «смирно» по обе стороны лестницы до самых главных дверей.

Дозорные.

Да, наверняка. И они определённо наблюдают за нами.

Я ищу знакомые лица, но не нахожу ни одного — ни Сми, ни кого-то из «Потерянных мальчишек». Здесь нет даже Флоры, Фауны и Мэривезы. То, что я не могу найти «Потерянных мальчишек», не удивляет. Они ходили в школу только потому, что их заставлял Джеймс, говоря, что важно получить хорошее образование. Теперь, когда он ушёл, парни наверняка играют всю ночь и отсыпаются весь день.

И... пресса. Чуть в стороне припаркованы машины съёмочных групп, журналисты в дождевиках что-то говорят в микрофоны. Из-за Дозора у них мало шансов приблизиться к школе, и я думаю, что это хорошо. Одним поводом для беспокойства меньше.

«Смелее».

«Будь смелее».

«Какой жизни ты хочешь?»

Я поднимаюсь на ступеньку лестницы, когда ученик впереди подходит ближе к дверям.

Почти все в очереди на вход одеты в пальто, капюшоны и шляпы, закрывающие головы, шеи обёрнуты толстыми шарфами. Обычно внешность жителей Шрама отличается яркими цветами, броскими украшениями, диким макияжем и загорелой кожей. Это море безликих людей выглядит странно.

Тут я замечаю Лукаса Аттенборо, который стоит в нише и смотрит прямо на меня. Этот подлый кусок дерьма. Я едва его узнаю. Волосы Лукаса не зачёсаны назад, как обычно, он одет в джинсы, туфли на шнуровке и свободную футболку вместо униформы цвета хаки с заправленной рубашкой и мокасинами. Похоже, капюшон толстовки не может скрыть моё лицо. По крайней мере, от Лукаса. Тот всегда был раздражающе наблюдательным. Парень встречается со мной взглядом и кивает, приподняв уголок рта в улыбке.

После всего, что случилось, он мне ещё и улыбается.

Будь тут Джеймс, он бы избил Лукаса так, что тот не показался бы в школе до следующего учебного года.

Но Джеймса здесь нет.

Здесь только я.

Я вскидываю подбородок, надеясь, что Лукас почувствует мою ненависть и та разъест его изнутри. Я вспоминаю, как мысленно расплавила стекло в ночь битвы и заставила его исчезнуть. С тех пор я не смогла сделать ничего магического и мощного, но мне интересно, достаточно ли моей злости, чтобы сломать Лукаса пополам или заставить его исчезнуть.

Это подняло бы мне настроение на весь день. Я пытаюсь направить на Лукаса луч разрушения, но ничего не происходит, а я тут же чувствую усталость.

Надо было выпить ещё кофе.

Четыре дня назад Лукас Аттенборо оглушил меня, похитил и накачал непонятным веществом, которое возрождало неправильную магию. Сейчас он должен сидеть в тюрьме. Нет, он должен гнить под землёй за то, что сделал. Я стискиваю зубы. Хотелось бы мне сказать Лукасу, что я не боюсь его или его отца, хотя это и не совсем правда.

Он действительно похитил меня, запер и удерживал против воли. Это нелегко забыть.

Кажется, парень это понимает. Он отводит взгляд, а я начинаю задаваться вопросом: что Лукас, принц Элит, делает на улице один? Конечно, мы просто пытаемся зайти с холо-